

Говорящей была самая старшая из служанок, пользовавшаяся среди них наибольшим авторитетом, если не считать тетюшку Вэнь Син. Ань Гэ, едва попав в дом, уже успела оценить её крутой нрав: если уж и льстить, то сначала тетюшке Вэнь Син, а следом, конечно же, ей.

Ань Гэ поспешно достала из рукава коробочку с румянами и протянула её:

— Цяо'эр подарила мне румяна, но я такая некрасивая, что они мне совсем без надобности. Если сестра не побрезгует, возьми их себе!

Старшая служанка приняла коробочку, открыла и, увидев, что румяна уже кто-то использовал, заметно поморщилась. Однако им, выполняющим самую черную работу, подарков почти не перепадало, поэтому она всё же осторожно закрыла крышку и спрятала коробочку в свой мешочек для благовоний.

— Ну, раз ты такая внимательная, Сяо Гэ, забирай эту миску яичного пудинга себе!

Ань Гэ поспешно приняла подношение и закивала, рассыпаясь в благодарностях.

В эту эпоху, когда медицина развита слабо, обычная простуда могла стоить человеку жизни. Ань Гэ не заботилась о своей внешности — ей нужно было лишь как следует укрепить это хилое, шатающееся от ветра тельце!

После сытной еды полагалось отдыхать. У служанок первого ранга были свои личные комнаты, служанки второго ранга делили комнату на троих, а им, простым прислугам низшего ранга, приходилось ютиться по десятку человек на одной лежанке. Ань Гэ из-за маленького роста всегда оказывалась у стены, а рядом с ней спала полная, широкоплечая девица, которая вечно ворочалась во сне. Ань Гэ постоянно оказывалась прижатой к холодной стене, и просыпаться по утрам с ломотой в пояснице стало для неё привычным делом.

Ах, как же она тосковала по своей мягкой и уютной пуховой кровати!

Среди разноголосого храпа Ань Гэ тихо вздыхала. Она никак не могла взять в толк: неужели Небеса решили, что она слишком уж беззаботно прожила свою первую жизнь, и теперь отправили её в это тело, чтобы она сполна вкусила земных страданий?

На следующее утро, ещё до рассвета, служанки низшего ранга уже вставали на работу. Они выполняли самую грубую и грязную работу. Раньше Ань Гэ ходила с ними стирать одежду, но её нежные руки, привыкшие к кисти художника, моментально покрылись ссадинами. Она не могла этого вынести и, пустив в ход всё своё красноречие и отдав двухмесячное жалованье, выменяла себе работу подметальщицы.

В последнее время в усадьбе царила суета — всё готовились к предстоящему в следующем месяце государственному экзамену. У господина Вэня было три сына и одна дочь. Старший, Вэнь Чанцю, провалил уже три экзамена, и в этом году он собирался попытать счастья в

четвёртый раз. В этот же раз с ним решил сдавать и второй сын, Вэнь Чансюй, а младший, Вэнь Чаню, был ещё слишком мал — ему предстояло подрасти ещё несколько лет.

Господин Вэнь был вне себя от беспокойства. В своё время он сам с первой попытки стал танхуа, а теперь его дети даже в списки прошедших отбор не попадали. Коллеги в лицо ничего не говорили, но за спиной наверняка насмехались над ним!

Живя среди женщин, Ань Гэ быстро вникла в дела семьи Вэнь. Вэнь Чанцю был первенцем, сыном от законной жены, и с детства на него возлагали огромные надежды. Но после нескольких неудач он пал духом и погряз в пьянстве и разврате — при упоминании его имени все лишь качали головами.

У второго сына, Вэнь Чансюя, происхождение было сомнительным: его мать была служанкой, которую господин Вэнь по пьяни соблазнил. Отец его не жаловал и, едва тот подрос, отправил к учителю в Гуаньвай. Если бы не редкие визиты на праздники, господин Вэнь о нём бы и не вспоминал.

Младший сын был поздним ребёнком, а потому — всеобщим любимцем, тут и говорить нечего.

Если сравнивать, то Вэнь Чансюй был самым жалким, но у Ань Гэ к нему не было ни капли симпатии. Причина проста: разве может быть хорошим человеком тот, кто соблазняет маленьких служанок, одаривая их румянами? Если бы не он, Сяо Гэ не погибла бы, и она, Ань Гэ, не оказалась бы в этом странном месте!

Господин Вэнь никогда не интересовался Вэнь Чансюем и не ждал от него успехов на экзаменах, но в этом году он сам вызвал его домой. Видимо, отчаявшись дожидаться успехов от старшего сына, он решил рискнуть.

С появлением конкурента в главной усадьбе начался настоящий переполох из-за подготовки Вэнь Чанцю. Туда бесконечным потоком несли всевозможные тонизирующие средства, в то время как о втором сыне, живущем в том же доме, словно забыли. Такое пренебрежение ясно показывало, на чьей стороне сердце господина Вэня.

Куда клонится сердце хозяина, туда же поворачиваются и слуги. Будь то императорский гарем или этот маленький дворик — везде царили одни и те же законы.

Ань Гэ, впрочем, было не до этого — все её мысли были заняты учёбой. Попасть на обучение в академию было не так-то просто. Как бы она ни старалась угодить, над ней всегда стояли старшие сестры. Денег на подношения не хватало, так как тетюшка Вэнь Син забирала львиную долю её жалованья, а по должности ей даже не доводилось видеть хозяев.

Чем больше она думала, тем бесперспективнее казалось её положение.

Хотя в доме вовсю суетились из-за экзаменов, Цяо'эр в последние дни зачастила к Ань Гэ.

— Старший молодой господин в эти дни не слишком занят? — Ань Гэ посмотрела на её ярко-красные ногти, на две кокетливо выпущенные у висков пряди волос и на румяна на губах.

С такой тщательной подготовкой она была совсем не похожа на служанку.

Услышав вопрос, Цяо'эр нахмурилась и глубоко вздохнула:

— Не говори мне об этом. Мне кажется, те, что прислуживают в покоях старшего господина, намеренно меня травят! Я ведь должна была помогать ему мыть ноги, а теперь они даже на порог не пускают. Разве это справедливо?

Это... Ань Гэ уже начала догадываться, в чём дело. Если даже она видит, с какой целью Цяо'эр так наряжается, то что говорить о служанках в покоях господина? Ань Гэ решила её предостеречь:

— Старший господин готовится к экзаменам, ему нельзя мешать.

— Сяо Гэ, ну как ты можешь такое говорить? Я же от всей души хочу ему прислуживать, это они...

Цяо'эр осеклась. В её глазах Ань Гэ оставалась глупой девчонкой, с которой бесполезно говорить о серьезных вещах. Она поднялась, чувствуя, как в груди закипает злость.

Ань Гэ хотела было ещё что-то сказать, но Цяо'эр перебила её:

— Сейчас критический момент, господин и госпожа следят за всем очень строго. После экзаменов всё наладится.

Это означало, что Цяо'эр ни в коем случае нельзя совершать глупостей сейчас. Хотя она была лишь служанкой, в глазах хозяев любая мелочь в такой ответственный момент могла раздуться до размеров катастрофы. Ань Гэ даже подумала, что служанки из покоев господина, наоборот, дали Цяо'эр шанс.

Но та этого не понимала. Раньше Цяо'эр всегда поучала Ань Гэ, а тут вдруг наоборот? Она нетерпеливо махнула рукой и вздохнула:

— Ты сидишь в своём дворике и ничего не знаешь, куда тебе судить о том, что происходит снаружи? Ладно, считай, что я просто выговорила. Я пошла!

Всё-таки она её не услышала! Ань Гэ тяжело вздохнула. Цяо'эр была слишком упряма, и если она продолжит давить, то лишь вызовет неприязнь. В этом чужом мире ей бы самой выжить, куда уж помогать другим?

Цяо'эр ушла, а Ань Гэ проводила её взглядом, закусила губу и тихо выдохнула. Люди стремятся к вершинам, и она понимала стремления Цяо'эр, но та выбрала неверный путь. Ань Гэ опустила голову и палочкой начертила на земле аккуратный иероглиф Судьба.

Вечером, во время ужина, тетушка Вэнь Син неожиданно заговорила о делах в доме:

— Экзамены близко, это важнейшее событие для нашей семьи. Всем держать ухо востро! Если кто совершит ошибку, никто вас не спасёт! — Тетушка Вэнь Син бросила взгляд на Ань Гэ. — Сяо Гэ!

— Я здесь! — звонко ответила Ань Гэ, подняв голову.

— В эти дни поменьше шастай по другим дворам, занимайся своим делом. Если увижу, что лодырничаеть или болтаешь с кем-то, — выпорю! — отрезала тетушка Вэнь Син. Ань Гэ закивала, как заведённая, мастерски изображая испуг.

Она прекрасно понимала, кого имела в виду тетушка Вэнь Син. Что касается Цяо'эр, то если та не одумается, беды не миновать.

Но Ань Гэ не ожидала, что беда придёт так быстро. Той же ночью, едва она успела уснуть, её растолкали.

— Вставай скорее, с твоей подружкой беда!

Слова были страшными, но голос говорившей звучал с плохо скрываемым возбуждением. Ань Гэ мгновенно проснулась, накинула одежду и побежала вместе с остальными служанками к переднему двору.

Осенняя ночь была прохладной, но Ань Гэ, пробежав всю дорогу, взмокла от пота. Ещё не успев войти во двор, она услышала душераздирающий крик. Этот голос был ей слишком хорошо знаком, и, увидев, что происходит, Ань Гэ невольно отвернулась, не в силах смотреть.

Это была Цяо'эр. Её били плетью.

Она была в одном лишь персиковом нагруднике с вышитыми утками-мандаринками, её спина была покрыта кровавыми полосами, и каждый новый удар оставлял всё более глубокие раны.

— Дрянная девка! Старший господин готовится к экзаменам, а ты вздумала к нему в постель лезть? За то, что нарушила его покой, с тебя мало и шкуру спустить!

Под звуки ударов и проклятия Цяо'эр сначала кричала и молила о пощаде, а потом затихла. Ань Гэ прижала ладонь ко рту, пятясь назад, но другие служанки, стоявшие рядом, толкали её вперёд. Они скалились, на их лицах играло злорадование.

— Эта дрянь и правда возомнила, что может взлететь на ветку и стать фениксом!

— С её-то внешностью она и на простую курицу не тянет!

— Надо же, хватило наглости к господину в постель лезть, убить её — и то мало!

Проклятия не утихали. Ань Гэ, которую вытолкнули в первый ряд, лишь отвернулась, чтобы не видеть этой кровавой расправы. Лишь когда Цяо'эр почти перестала дышать, наказывавшая её надзирательница остановилась и, сложив руки, доложила что-то хозяевам, скрытым за тонкой ширмой.

Сквозь полупрозрачную ткань угадывался силуэт матери старшего господина — старшей госпожи дома Вэнь. Рядом с ней сидела ещё одна фигура, с большим животом — единственная беременная в доме, и нетрудно было догадаться, кто это.

Старшей невестки не было, зато наложница Ми наблюдала за этим кровавым представлением. Зрители понимали, к чему всё идёт: в феодальном обществе непреодолимая пропасть между классами была незыблема. Служанка навсегда оставалась служанкой. И хотя наложница Ми носила под сердцем первого ребёнка старшего господина, ей постоянно напоминали о её низком статусе. Это представление было способом старшей госпожи унижить наложницу Ми, показывая, что она по-прежнему на стороне законной невестки Чэн Юэцзяо, происходящей из знатной семьи.

Цяо'эр этого не понимала, вот и стала первой жертвой в конфликте между старшей госпожой и наложницей Ми.

Старшая госпожа перекинулась парой слов с наложницей и ушла. Нетрудно было догадаться, что приятного в этих словах было мало. Наложница Ми ещё долго сидела в одиночестве, прежде чем медленно подняться. Она обошла ширму, и Ань Гэ наконец смогла её рассмотреть. Наложница Ми вовсе не обладала ослепительной красотой, лицо у неё было самое обычное. Неудивительно, что Цяо'эр не могла перестать сравнивать себя с ней: любой посмотрел бы на неё и подумал — если она смогла добиться такого положения, почему не могу я?

Наложница Ми, не обращая внимания на запах крови, подошла к Цяо'эр. Та была без сознания, а кровь из ран стекала на каменные плиты, образуя лужу.

Наложница Ми приподняла бровь и с нарочитой холодностью произнесла:

— Кому повезёт — та станет мной, а кому не повезёт — той быть ею. Служанок в доме много, интересно, кому ещё так повезёт.

Голос её был тихим, но все присутствующие услышали каждое слово. В отличие от недавнего шума и смеха, теперь все стояли в гробовой тишине. Достигнув желаемого эффекта, наложница Ми, придерживая живот, развернулась и ушла.

Когда хозяева удалились, слуги начали расходиться. Двое парней завернули полуживую Цяо'эр в циновку. В таком состоянии оставлять её в усадьбе было нельзя — скорее всего, её просто выкинут за ворота на произвол судьбы. Ань Гэ подбежала к ним и сунула в руки горсть мелких монет. Парни взвесили их на ладони, и только тогда посмотрели на неё как на человека.

Ань Гэ заискивающе улыбнулась:

— Будьте добры, передайте людям по фамилии Фан из деревни Пуси, чтобы забрали её.

Один из парней по доброте душевной заметил:

— Думаешь, семья станет забирать девку, которую продали в дом?

— Неважно, станут или нет, это хоть какая-то надежда. Если не сообщить... — Ань Гэ посмотрела на выбивающуюся из циновки прядь волос, склеенную кровью, и с горечью добавила: — Считайте, что я выполнила свой долг перед подругой. Прошу вас, сообщите им.

Получив деньги, парни не смогли отказать. Они кивнули и понесли свёрток прочь. Ань Гэ стояла на месте, глядя им вслед. На душе было тяжело — человеческая жизнь в этом обществе стоила гроши. Она зябко повела плечами, нашла тряпку и, опустившись на колени, начала оттирать кровь с камней.

Она делала это с неожиданным спокойствием. Закончив, Ань Гэ подбежала к воротам и посмотрела в щель. В пустом переулке, кроме лая собак, не было ни души. Она помолилась про себя, чтобы у семьи Цяо'эр была хоть капля совести, и повернула назад.

Путь к комнатам слуг лежал через бамбуковую рощу. Была уже глубокая ночь, в небе висела полная луна. Ань Гэ невольно остановилась. Холодный свет луны заливал землю. Говорят, древние часто доверяли луне свою тоску, вот и Ань Гэ, став невольно «древним человеком», теперь тоже предавалась печальным раздумьям.

Вспомнив о Цяо'эр, она поняла, что человеческая жизнь здесь легче лунного света.

Не успела она сделать и пары шагов, как тени бамбука на земле заколыхались. Ань Гэ не успела среагировать, как двое спрыгнувших со стены мужчин преградили ей путь. Первой мыслью было — воры, но когда холодный свет луны осветил их благородные, утончённые лица, эта мысль тут же улетучилась.

<http://bllate.org/book/18519/1780298>